

ВЪ БОЛГАРІИ.

Въ началѣ октября прошлаго года мнѣ пришлось совершить путешествіе по Дунаю.

Выѣхавъ рано утромъ на пароходѣ изъ маленькаго венгерскаго городка Базіаша, я цѣлый день любовался величественными картинами природы. Широкая лента Дуная вьется среди удивительно красивыхъ своей причудливой формой и фантастически отливающихъ всѣми цвѣтами радуги Карпатскихъ горъ.

День этотъ прошелъ для меня незамѣтно и поздно вечеромъ, пересѣвъ у Оршовы на другой пароходъ, я созерцалъ румынскій и болгарскій берега Дуная, сидя на верхней палубѣ.

Ночь тихая, теплая и въ воздухѣ совершенно не ощущается сырости. Не вѣрится, что теперь—начало октября, хотя и по новому стилю.

Долго я вглядывался въ болгарскій берегъ, но виднѣлись только силуэты горъ, которыя то приближались, то удалялись. Противоположный румынскій берегъ, бывшій у Оршовы довольно гористымъ, теперь представляетъ собой сплошную низменность.

Воды Дуная кажутся черными. Изрѣдка бакенъ съ мигающей электрической лампочкой укажетъ опасное мѣсто фарватера и скроется вдаль, бросая все слабѣе и слабѣе свѣтлые блики на темную поверхность рѣки.

На обоихъ берегахъ все тихо. Не видно ни костровъ, ни огоньковъ прибрежныхъ домиковъ, ни фонарей таможенной стражи.

Но вотъ Виддинъ — первая болгарская пристань. На пароходъ ввалилась цѣлая толпа болгаръ. Тутъ и штатскіе, и военные, и крестьяне.

У котельнаго отдѣленія размѣстилась цѣлая группа болгарскихъ солдатъ. Сѣрые шинели съ погонами, фуражки съ козырьками, длинные сапоги и мылья, привѣтливыя славянскія фізіономіи, такъ живо напоминающія нашихъ «Ничипоровъ» и «Стецьковъ» изъ Кіевской губерніи.

Подремавъ часа четыре въ душной и накуреной общей каютѣ, я поднялся на палубу, вспоминая какой комфортъ и какія удобства можно найти на нашихъ волжскихъ пароходахъ и какъ примитивно и неудобно обставлены дунайскіе пароходы венгерскаго общества, гдѣ пассажиръ I класса не имѣетъ отдѣльной каюты.

Горизонтъ на востокъ уже заалѣлъ. Утро теплое, сухое и тихое. Каютные пассажиры покоятся сномъ праведнымъ, а палубные уже начинаютъ пробуждаться.

Вдали виднѣется какой-то болгарскій горъ одъ, домики котораго густо лѣпятся по склону горы. Это — Раховъ или, какъ на нѣкоторыхъ картахъ обозначено, Орѣховъ.

Въ живописномъ безпорядкѣ раскинулся этотъ городокъ; домики, сады, обрывы, кое-гдѣ горные ручьи и перекинутые черезъ нихъ мостики — все это красиво перемѣшано между собою.

Но этотъ, симпатичный издали, городокъ обреченъ на постепенное разрушеніе. Одинъ изъ жителей Рахова, сѣвшій на пароходъ, рассказалъ мнѣ, что гора, на которой расположенъ городъ, постепенно оползаетъ.

Миновавъ Раховъ, причаливаемъ къ румынскому городку Корабии. У пристани баржи съ мукой, на берегу цѣлый рядъ телѣгъ съ мѣшками и зорко наблюдающіе румынскіе жандармы и таможенныя.

Румыны — народъ недовѣрчивый: въ каждомъ пріѣзжающемъ изъ-за границы они видятъ или шпіона, или преступника и потому охраняютъ свою границу съ необычайной тщательностью.

Проѣхали болгарское мѣстечко Самовить, отъ котораго идетъ желѣзная дорога на Плевну.

Черезъ полчаса показался Никополь. Въ сторонѣ отъ города около казармъ виднѣется на горѣ красивый памятникъ событіямъ 1877—78 гг.

Почти противъ Никополя лежитъ румынскій городъ Турнъ-Магурели.

Все памятные названія освободительной войны славянъ! Съ волненіемъ гляжу я на эти мѣста, гдѣ дѣйствовали когда-то наши отцы и дѣды...

Дунай—международная рѣка. Тутъ встрѣчаются пароходы и баржи подъ русскимъ, венгерскимъ, австрійскимъ, болгарскимъ, румынскимъ и сербскимъ флагами. На пароходахъ же путешествуютъ, кромѣ вышеуказанныхъ націй, еще и турки. Получается невѣроятное смѣшеніе языковъ.

Но вотъ Систовъ (или, правильнѣе, Свищовъ), раскинувшійся на горахъ. Покинувъ пароходъ, я водворился въ маленькую гостиницу «Hôtel du Commerce», находящуюся противъ пристани. Домъ, въ которомъ помѣщается этотъ «Хотель», видѣлъ времена турецкаго владычества. Сложенный изъ дикаго тесанаго камня, онъ непоколебимо простоялъ лѣтъ 100, да и простоятъ, вѣроятно, еще столько же. Лѣстницы и полы ходятъ ходуномъ: окна маленькія.

Комната, гдѣ я нашелъ себѣ пристанище, имѣла самую простую обстановку. Точно номеръ самаго захолустнаго провинціального городка нашей матушки-Россіи. Но несмотря на массу неудобствъ, привѣтливость хозяина и прислуги сгладила всѣ шероховатости. Какъ никакъ, а въ славянской землѣ, даже и въ неудобной обстановкѣ, чувствуется какъ-то легко.

Говорить съ болгарами можно сравнительно легко, подлаживаясь подъ церковно-славянскую рѣчь. Они это гораздо лучше понимаютъ, нежели чисто-русскій говоръ. Но нѣмецкая культура проникла и сюда: хозяинъ гостиницы очень сносно говоритъ по-нѣмецки.

Приведя себя послѣ дороги въ порядокъ, я поднялся на гору и долго любовался широкой сверкающей лентой Дуная.

По ту сторону—румынская равнина съ мелькающими въ зелени домиками города Зимницы, у котораго Драгомировская дивизія переправилась въ 1877 г. и обогрела русской кровью эти мѣста, гдѣ стоятъ теперь величественные памятники.

Поклонившись издали этимъ памятнымъ для каждаго русскаго мѣстамъ, я, спускаясь съ горы, зашелъ на кладбище, расположенное около маленькой древней церкви. Среди ветхихъ крестовъ, я

нашелъ нѣсколько красивыхъ памятниковъ, подъ которыми покоился прахъ нашихъ офицеровъ, павшихъ въ послѣднюю Русско-турецкую войну. Я былъ очень тронутъ заботливостью болгаръ; памятники эти, какъ видно, заботливо охраняются.

Не стану утруждать читателя описаніемъ Свищова. Скажу только, что это—очень гористый городъ, если можно такъ выразиться. Улицы идутъ то въ гору, то подъ гору. Небольшіе одно или двухъ-этажные домики утопаютъ въ садахъ. На улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ только и слышны разговоры о политикѣ. Тогда только что началась Итальяно-турецкая война, и болгары, читая газеты, потирали руки и сулили туркамъ всякія напасти, искренно сожалея, что имъ нельзя участвовать въ этой войнѣ.

Возвращаясь въ гостиницу другимъ путемъ, я обратилъ вниманіе на старыя каменные строенія съ отдѣльно стоящей довольно высокой башней. На воротахъ надпись: «33-й пѣхотный Свищовскій полкъ». Это были прежде турецкія казармы, а въ 1877—78 гг. ихъ стѣны видѣли и нашихъ солдатиковъ.

Переночевавъ въ Свищовѣ, я на другой день рано утромъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Софію.

Не могу не отмѣтить, что прислуга «Хотела» при моемъ отъѣздѣ не только не имѣла посягательства получить отъ меня «на чай», но даже и не напомнила своимъ видомъ объ этомъ. Вотъ гдѣ «отельная» культура еще не привилась!

Поѣздъ покатилъ по красивой холмистой мѣстности. Дунай тянулся около желѣзнодорожнаго полотна 2—3 километра и затѣмъ его широкія, свѣтлыя воды, постепенно удаляясь, исчезли.

Рѣдко попадаются селенія, но непрерывно тянутся обработанныя поля.

Вотъ станція «Драгомирово», названная въ честь М. И. Драгомирова. Пріятно видѣть, что память нашихъ русскихъ полководцевъ почитаютъ здѣсь.

Въ 12 часовъ дня мы прибыли на станцію «Левски», гдѣ предстояла пересадка. Ждать нужно было около трехъ часовъ. За обѣдомъ на вокзалѣ я познакомился съ профессоромъ Д., болгаринномъ, членомъ народнаго собранія. Чрезвычайно любезно и съ большою готовностью отвѣчалъ профессоръ на всѣ мои вопросы. Профессоръ Д. великолѣпно говорилъ по-русски и по-нѣмецки. Онъ окончилъ Московскій и Мюнхенскій университеты и долгое время работалъ по вопросамъ политической экономіи подъ руководствомъ одного изъ извѣстныхъ русскихъ профессоровъ.

Въ интересной бесѣдѣ незамѣтно прошли три часа, и вскорѣ мы сидѣли въ прекрасномъ пультмановскомъ вагонѣ скорого поѣзда «Варна—Софія».

Далеко на югѣ виднѣются Балканы. Особенно ясно выдѣляется группа четырехъ вершинъ, изъ которыхъ самая высокая—гора св. Николая. Такъ вотъ онѣ, эти горы, гдѣ наши чудо-богатыри дрались, какъ львы, мерзли и ковали славу русской арміи!... Шипка!... Сколько русскихъ жизней погибло тамъ со славой! Какая величественно-прекрасная трагедія происходила тамъ 35 лѣтъ тому назадъ! Мысленно посылаю вамъ, памятная сердцу русскому вершины, свой привѣтъ!...

Проѣзжаемъ станцію Порадимъ, гдѣ была наша главная квартира.

Мощные силуэты далекихъ Балканскихъ горъ какъ будто стоятъ на мѣстѣ, несмотря на довольно быстрый ходъ поѣзда. Почти 100 километровъ отдѣляетъ насъ отъ этихъ великановъ, а потому они и кажутся неподвижными.

Профессоръ Д. тащитъ меня то къ одной сторонѣ вагона, то къ другой, рассказывая и показывая. Замѣчательно рѣдкій человѣкъ, хотя и состоитъ въ оппозиціи. Какъ онъ любитъ свое отечество; какъ хорошо онъ знаетъ исторію своей родины; съ какимъ рѣдкимъ знаніемъ онъ, штатскій человѣкъ, рассказывалъ мнѣ эпизоды послѣдней Русско-турецкой войны и показывалъ мнѣ историческія памятная мѣста той эпохи!

Приближаемся къ Плевнѣ. Справа виднѣются остатки Гривицкаго редута, недалеко отъ котораго построены теперь румынскій монастырь.

Остановка у станціи, и я наблюдаю большую оживленную толпу обитателей города Плевны, собравшихся на вокзалѣ. Среди публики масса офицеровъ, на которыхъ любо дорого смотрѣть. Они держатъ себя съ большимъ достоинствомъ и пользуются, какъ я замѣтилъ, большими симпатіями населенія.

Страшно хотѣлось бы остановиться здѣсь и осмотрѣть городъ, памятникъ-мавзолей и окрестности, но особыя обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого...

Поѣхали дальше. Плевна вся лежитъ въ котловинѣ, по краямъ которой природа воздвигла мощныя земляныя стѣны, не устоявшія все-таки передъ доблестью русской арміи.

Сколько здѣсь разсѣяно повсюду дорогихъ могилъ! Сколько русской крови поглотила эта земля!... Переѣзжаемъ рѣку Видь. Недалеко отъ желѣзнодорожнаго моста виднѣется старый мостъ—сви-

дѣтель происходившей здѣсь кровавой эпопеи. На высококомъ правомъ берегу виденъ памятникъ. На лѣвомъ берегу недалеко отъ рѣки и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ желѣзнодорожнаго пути насыпанъ холмъ, на которомъ поставлено орудіе. На этомъ мѣстѣ сдался Османъ-папа...

Промелькнули Дольній Дубнякъ, Горный Дубнякъ, Телипъ. Вездѣ видны памятники; вездѣ незримо витаютъ тѣни нашихъ героев...

Балканы медленно таяли въ надвигавшихся сумеркахъ. Наблюденія мои въ окно должны были прекратиться. Но вскорѣ взошла луна, и я снова могъ любоваться чудными горными видами. Желѣзнодорожный путь пролегаетъ теперь по Западнымъ Балканамъ, слѣдуя почти все время долиною рѣки Искеръ. Поѣздъ то и дѣло пролетаетъ по туннелямъ и мостамъ. На протяженіи 80 километровъ между станціями Мездра—Вратца и Софія—23 туннеля и столько же мостовъ. Иногда поѣздъ мчится въ ущельѣ. Внизу шумитъ по камнямъ р. Искеръ. Воды его, точно расплавленное серебро, бурлятъ и искрятся при лунномъ свѣтѣ.

Но вотъ вдали на темномъ фонѣ громадной горы замелькали яркіе огоньки. Это—Софія.

Простившись съ моимъ милымъ попутчикомъ профессоромъ Д., я вышелъ на платформу Софійскаго вокзала. Народу—тьма. Оживленіе—неописуемое. Два офицера капитаны А. и К., товарищи по академіи, встрѣчаютъ меня радостно, по-братски обнимаютъ.

«Давай Богъ въ добрый часъ!» «Молодчина, что пріѣхалъ къ намъ въ Болгарію!» «Тебя ждутъ К. Г. и Д., извиняются, что не могли встрѣтить: заняты!»

Автомобиль помчалъ насъ въ «Hôtel Boulevard». Несмотря на то, что уже болѣе 10 часовъ вечера, улицы полны снующей толпой. Вездѣ электрическое освѣщеніе, трамваи...

Товарищи мои предусмотрительно заняли для меня одинъ изъ лучшихъ номеровъ. И дѣйствительно все, что я здѣсь увидалъ, превзошло мои ожиданія. Комфортабельная комната, лифтъ, прислуга, говорящая по-нѣмецки и по-французски, и очень недорогія цѣны.

Послѣ Свищова—точно во дворецъ попалъ!

Мои однокурсники засыпали меня вопросами: «Гдѣ Э.? Гдѣ В.? Живъ ли М.? Какъ поживаетъ Р.? Женился ли С.?» и т. д. Я еле-еле успѣваю удовлетворить ихъ любопытство и, наконецъ, видя, что вопросамъ нѣтъ конца, предлагаю имъ посидѣть гдѣ-нибудь въ кафе и поболтать.

Оказывается, они давно уже хотѣли мнѣ предложить то же самое, да стѣснялись, думая, что я съ дороги усталъ и хочу спать.

Отправились въ кафе, гдѣ мои собесѣдники вполнѣ удовлетворили свое любопытство, вспоминая съ большимъ удовольствіемъ академическіе годы въ С.-Петербургѣ, своихъ русскихъ друзей и профессоровъ.

Наговорившись вдоволь, мы пожелали другъ другу спокойной ночи и разошлись по домамъ.

Проснувшись рано утромъ, я подошелъ къ окну и, первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ проѣзжавшій мимо военный грузовый автомобиль № 10.

Мой пріятель К. уже сидитъ у меня и набрасываетъ планъ распределенія перваго дня въ Софіи. Рѣшаемъ идти прежде всего въ Народный музей.

Вездѣ на улицахъ дѣловитое движеніе. Крестьяне и крестьянки спѣшатъ на базаръ. Въ одеждѣ ихъ преобладаетъ черный цвѣтъ: точно трауръ носить по убитымъ и замученнымъ турками родственникамъ. Масса офицеровъ и инжнихъ чиповъ то встрѣчаютъ, то обгоняетъ насъ. Офицеры держатся молодцами съ сознаниемъ своего достоинства. Лица, большей частью, смуглыя, энергичныя; въ глазахъ горятъ рѣшимость и мужество. Нижніе чины внѣшнимъ видомъ производятъ также прекрасное впечатлѣніе.

Народный музей помѣщается въ старинномъ и оригинальномъ зданіи бывшей мечети. Въ музеѣ много археологическихъ коллекцій эпохи Рима, Византіи и Старой Болгаріи, картины, монеты и пр. Музей молодой и только еще начинаетъ обзаводиться, но любителю старины тутъ есть что посмотреть.

Въ боковыхъ залахъ музея развѣшаны уцѣлѣвшіе старинные образа болгарскихъ церквей, разоренныхъ туркамъ. Почти всѣ лики святыхъ обезображены турецкими штыками. Любимымъ занятіемъ этихъ солдатъ-дикарей было—выкалываніе глазъ въ иконахъ. И дѣйствительно, я не видалъ здѣсь ни одного лика съ сохранившимися глазами.

Сильное впечатлѣніе произвела на меня картина одного изъ современныхъ болгарскихъ художниковъ, изображающая разгромъ деревни турками. Изуродованные трупы, наваленные кучами и освѣщенные заревомъ пылающихъ домовъ, исполнены великолѣпно и являютъ собой какъ бы живой протестъ «покровителямъ» турецкой имперіи.

Выйдя изъ музея, мы направились къ недавно открытому памятнику Царю-Освободителю.

Симпатичный городъ Софія. Дома хотя и не поражаютъ васъ своими размѣрами, но аккуратно выстроены, отлично отдѣланы снаружи и имѣютъ довольно солидный видъ. Всѣ мостовыя главныхъ улицъ выложены правильными желтыми плитками и содержатся въ большой чистотѣ. Всѣ улицы по краямъ обсажены тополями.

Пройдя мимо царскаго дворца, окруженнаго большимъ садомъ, мы вышли на бульваръ «Царь-Освободитель»—одну изъ лучшихъ улицъ Софіи, на которой находятся прекрасное зданіе гарнизоннаго офицерскаго собранія и почти всѣ посольства. Въ началѣ улицы церковь русскаго посольства, вся украшенная чудными мозаичными работами.

Но вотъ небольшая площадь, на которой стоитъ величественный и прекрасно выполненный памятникъ Императору Александру II, воздвигнутый «признательной Болгаріей». На высокомъ пьедесталѣ стоитъ конная фигура Императора; его лицо обращено къ зданію Народнаго собранія; внизу конныя фигуры Великаго Князя Николая Николаевича (Старшаго), Скобелева, Радецкаго, фигуры нашихъ солдатъ и болгарскихъ ополченцевъ.

Насколько мнѣ пришлось наблюдать, память Императора Александра II чтутъ во всей Болгаріи одинаково съ наиболѣе почитаемыми здѣсь святыми. Во многихъ магазинахъ, официальныхъ учрежденіяхъ и частныхъ квартирахъ я видѣлъ портреты Царя-Освободителя на самыхъ почетныхъ мѣстахъ наравнѣ съ образами.

И не только въ сердцахъ стариковъ, современниковъ освободительной войны, живетъ до сей поры къ нему глубокая любовь и признательность, но и молодежи переданъ завѣтъ чтить память того, кто способствовалъ возрожденію Болгаріи.

Противъ памятника—зданіе Народнаго собранія. Осмотръ допускается совершенно свободно, такъ какъ въ то время засѣданій не было.

Большая двухсвѣтная зала засѣданій украшена портретами царя, царицы и царевичей. Тутъ же—портретъ Императора Александра II. За залой засѣданій находится другая большая зала, гдѣ депутаты иногда заканчиваютъ неофициально закрытыя предсѣдателемъ бурныя засѣданія. Тутъ висятъ большіе портреты всѣхъ бывшихъ предсѣдателей собранія, министровъ-президентовъ и выдающихся политическихъ дѣятелей. Среди нихъ выдаются харак-

терное лицо Стамбулова и нѣсколько болгарскихъ митрополитовъ, которые въ эпохи междоцарствія являлись главами правительства.

За Народнымъ собраниемъ строится большой соборъ во имя св. Александра Невского. Снаружи постройка закончена, но внутри еще идутъ работы.

Вскорѣ къ намъ присоединился капитанъ А. и мы, сдѣлавъ перерывъ обзора Софіи, пообѣдали въ Grand Hôtel'ѣ. Послѣ обѣда отправились въ Княжево, ближайшее дачное мѣсто Софіи.

Длинный и вмѣстительный вагонъ вездѣсушаго «бельгійскаго анонимнаго общества» номчалъ насъ по широкимъ улицамъ Софіи. Вскорѣ замелькали домики предмѣстья, и мы выѣхали на шоссе, усаженное по обѣимъ сторонамъ высокими пирамидальными тополями. Начался замѣтный подъемъ пути: трамвай ѣхалъ теперь по склону горы Витоша.

Справа и слѣва мелькаютъ лагерные палатки и бараки. Здѣсь болгарское «Красное Село». Лагерный сборъ уже закончили, но еще видно кое-гдѣ шевелятся солдатики среди лагерныхъ построекъ. Товарищи объяснили мнѣ, что у нихъ здѣсь теперь идутъ занятія съ будущими унтеръофицерами, а также съ вольноопредѣляющимися, которымъ предстоитъ держать экзаменъ на офицера запаса. «И для тѣхъ и для другихъ важна, главнымъ образомъ, полевая работа», пояснили мнѣ мои коллеги.

Но вотъ трамвай со звономъ вкатилъ въ Княжево, и гора Витоша открыла теперь моимъ взорамъ свой крутой покрытый лѣсомъ склонъ. По улицѣ Княжева у тротуара, въ выложенномъ плитнякомъ каналѣ, быстро бѣжитъ прозрачная, какъ хрусталь, вода горнаго ручья. Ручей этотъ, стекающій съ горы, питаетъ все Княжево, да еще несетъ не мало воды и въ Софію. Тяжело пыхтя, тащить паровозъ товарный поѣздъ въ Кюстендиль по горнымъ откосамъ и выемкамъ.

Мы долго гуляли по нижнему склону горы, откуда открывался красивый видъ на Софію. Взошла луна, озарившая своимъ свѣтомъ и Софію и окрестности. Товарищи мои рѣшили пить вечерній чай и слегка поужинать тутъ же въ Княжевѣ на открытомъ воздухѣ. Въ маленькомъ, чистенькомъ садикѣ ресторанчика или, какъ ихъ тутъ называютъ, «кафана» намъ сервировали чай и ужинъ, состоящій изъ восточныхъ кушаній. На столѣ появились шашлыкъ, кибавъ-люлю и прочія произведенія востока, приправленныя барбарисовымъ порошкомъ.

Къ нашей компаніи присоединились еще болгарскіе офицеры — обитатели лагеря. Узнавъ, что я — русскій офицеръ, да еще кромѣ того «кунакъ» по академіи, всѣ они мнѣ оказывали большое вниманіе и наперерывъ старались угодить чѣмъ-либо. И все это дѣлалось съ такой деликатностью, съ такой сердечностью, что я, встрѣтившись съ ними впервые, чувствовалъ себя точно среди самыхъ близкихъ друзей. Только славяне и могутъ сразу такъ располагать къ себѣ.

Услужливый рестораторъ завелъ граммофонъ, и наша дружеская бесѣда продолжалась подъ звуки національныхъ болгарскихъ пѣсенъ. Въ одиннадцатомъ часу вечера мы отправились во-свояси.

Отъ массы впечатлѣній я долго не могъ заснуть. Вспомнилось мнѣ, какъ профессоръ Д. рассказывалъ на станціи Левски о томъ далескомъ прошломъ, когда ему было 8 лѣтъ и когда русскіе переправлялись у Систова... Онъ до сихъ поръ хорошо помнитъ этотъ эпизодъ. Наканунѣ переправы всѣ турки, обитатели Систова, бѣжали. На другой день рано утромъ отецъ Д. разбудилъ всю свою семью и сказалъ: «Ну, теперь молитесь Богу, русскіе начинаютъ переправляться!»... Послѣ продолжительной перестрѣлки, турецкія войска потянулись съ Систовскихъ высотъ на югъ, а мальчикъ смотрѣлъ, какъ какіе-то «сѣрые люди» карабкались на горы и собирались въ кучки... Затѣмъ въ городѣ, къ приходу русскихъ войскъ, у домовъ выставили кадки съ водой, краюхи пшеничнаго хлѣба, вареную кукурузу и пр... Русскіе солдаты усталые, потные проходили по улицамъ Систова. Болгары, стоявшіе около своихъ домовъ, бросали имъ полотенца. Солдаты утирали этими полотенцами свои потныя лица и затѣмъ кидали ихъ обратно.

Въ ту пору болгары жили, какъ на бивакѣ. Никто не смѣлъ заводить много имущества, ибо все это дѣлалось достояніемъ башибузукъ или попросту сжигалось. Строя домъ, не были увѣрены, что будутъ жить въ немъ. Отцы каждую минуту ждали, что вотъ появится банда, которая разоритъ насиженное гнѣздо, убьетъ или изувѣчитъ сыновей, надругается надъ дочерьми и затѣмъ безнаказанно скроется.

Прошло 35 лѣтъ, и теперь повсюду полнѣйшая безопасность. Культура сдѣлала большіе успѣхи, но... безпредѣльная ненависть къ туркамъ, память о прежнихъ звѣрствахъ и жажда мести еще живутъ въ сердцахъ болгаръ.

Слѣдующее утро я прогуливался уже одинъ по улицамъ Софіи. Небольшой, по тѣнистый и симпатичный городской садъ пусто-

валь. Здѣсь гуляютъ послѣ обѣда и по вечерамъ. «Народный» театръ тутъ же около сада. Прекрасная постройка, которую не стыдно было бы помѣстить въ любой столицѣ.

Въ 10 часовъ утра меня встрѣтилъ мой другъ К. Сначала мы зашли къ коменданту города, гдѣ я расписался въ книгѣ прибывающихъ въ Софію офицеровъ и, кромѣ того, оставилъ свою визитную карточку. Затѣмъ К. повелъ меня въ военное министерство представлять своимъ сослуживцамъ.

Не описывая подробно своего посѣщенія, скажу только, что приняли, какъ своего. Вездѣ, гдѣ я ни появлялся, мнѣ оказывали большое вниманіе. Среди офицеровъ болгарскаго генеральнаго штаба я встрѣчалъ представителей Петербургской, Парижской и Римской академій, но ко мнѣ, русскому офицеру, всѣ относились одинаково радушно.

Между прочимъ, вышелъ забавный инцидентъ. Бесѣдуя съ однимъ полковникомъ, я замѣтилъ, что онъ затрудняется говорить по-русски. Я предложилъ ему тогда перейти на нѣмецкій языкъ. Полковникъ мой, оказывается, жилъ въ Германіи и отлично говорилъ на языкѣ тевтоновъ. Бесѣда наша сразу пошла быстрымъ темпомъ. Но въ концѣ концовъ собесѣдникъ мой не безъ грусти замѣтилъ: «...а все-таки жаль, что мы, славяне, а должны понимать другъ друга по-нѣмецки!»

Въ этотъ же день я дѣлалъ визиты всѣмъ моимъ товарищамъ по академіи. Вездѣ хозяйки дома встрѣчали меня съ подносомъ, на которомъ стояли варенье и наливки. Я долженъ былъ отвѣдать и того и другого: таковъ обычай въ Болгаріи. Вездѣ принимали радушно, вездѣ сквозили славянская искренность и славянская простота.

Обѣдалъ я въ Софійскомъ гарнизонномъ собраніи или «казино». Прекрасное зданіе снаружи внутри оказалось еще лучше. Великолѣпный большой залъ для баловъ и концертовъ. Тутъ же въ залѣ тронъ царя и царицы. Среди портретовъ болгарской царской семьи на почетномъ мѣстѣ висятъ портреты нашихъ Государя и Государыни. Великолѣпная гостиная вся увѣшана картинами военнаго содержанія. Помѣстительная и свѣтлая бібліотека-читальня, въ которой я замѣтилъ портретъ маіора Горталова и очень хорошо исполненный рельефный планъ Болгаріи. Среди газетъ и журналовъ очень много русскихъ. Большая столовая украшена портретомъ царя Фердинанда. Тутъ же стоятъ шкафы съ серебромъ. На стѣнахъ развѣшаны большія картины, изображающія эпизоды изъ жизни болгарской арміи.

Обѣдъ прошелъ чрезвычайно оживленно. Болгары окончательно завоевали мое сердце своимъ радушіемъ и своей привѣтливостью.

Между прочимъ, въ военномъ собраніи обѣдало много штатскихъ, и я ясно видѣлъ, что въ болгарскомъ обществѣ офицеры пользуются большою популярностью. Здѣсь армія и общество всегда живутъ дружно. Въ Народномъ собраніи, даже со стороны оппозиціи, никогда не слышитъ болгарская армія обидныхъ для себя словъ, никогда не слышитъ она несправедливыхъ упрековъ.

Послѣ обѣда мы всей компаніей отправились прогуляться въ паркъ «Царевича Бориса». Былъ канунъ праздника. Масса публики двигалась взадъ и впередъ по широкимъ аллеямъ парка. Дипломаты, офицеры, видные горожане гуляли вперемежку съ простыми болгарскими крестьянами, которые своей чистой, аккуратной одеждой и здоровымъ, цвѣтущимъ видомъ производили самое пріятное впечатлѣніе. Самый паркъ, распланированный на громадной площади, состоитъ большей частью изъ молодняка. Черезъ 15—20 лѣтъ это будетъ одинъ изъ лучшихъ парковъ Европы по величинѣ и благоустройству.

За вечернимъ чаемъ товарищи выразили мнѣ свое неудовольствие за то, что я пріѣхалъ въ штатскомъ. «Вѣдь у насъ русскимъ офицерамъ вездѣ разрѣшено быть въ формѣ. Да и по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ ты могъ бы ѣхать по льготкѣ», говорили мнѣ братушки.

Третій день пребыванія въ Софіи я началъ осмотромъ улицъ, находящихся на окраинахъ города. Центръ Софіи съ его великолѣпными мостовыми, большими домами, рядами тѣнистыхъ деревьевъ на улицахъ и большимъ оживленіемъ—я уже зналъ хорошо. Теперь меня интересовало взглянуть на окраины города.

И гдѣ я ни ходилъ, вездѣ строятъ новые трех- или четырехэтажные дома въ стилѣ модернъ или симпатичные особняки своеобразнаго стиля. Мостовыя на окраинахъ довольно примитивныя, а въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ отсутствуютъ. Но это только временно. Скоро и здѣсь улицы будутъ не хуже центральныхъ.

Вообще Софія въ смыслѣ благоустройства и строительства быстро шагаетъ впередъ. Въ 1879 г. лучшая квартира Софіи состояла изъ трехъ комнатъ и была занята военнымъ министромъ; о мостовыхъ и понятія не имѣли; въ распутицу выходъ изъ дома представлялъ не малыя затрудненія. А теперь — пятиэтажные отели, электрическое освѣщеніе, трамваи, чудныя мостовыя въ центрѣ, широкіе мосты, красивые памятники, громадное оживленіе на улицахъ и чудный, чистый воздухъ, не тронутый копотью фабрикъ.

Гора Витоша, этотъ вѣчный стражъ Софіи, непоколебимо стоитъ, прикрывая столицу съ юго-запада. Ея сѣрая громада видна почти отовсюду. У ея подножія Софія волнуется, какъ муравейникъ, обстраивается, растеть, украшается, а сѣрая громада стоитъ все та же, что и 1.000 лѣтъ тому назадъ. Долго ли она будетъ такъ стоять? Быть можетъ, скоро зубчатая желѣзная дорога разбудить ея вѣковой сонъ. Вырастуть и на ней тогда санаторіи, курорты, дачи и увеселительныя мѣста.

Послѣдній вечеръ въ Софіи мои однокурсники чествовали меня товарищескимъ ужиномъ въ городскомъ казино.

Софійское городское казино—своего рода достопримѣчательность. Громадный двухсвѣтный залъ по вечерамъ постоянно наполненъ публикой. Въ праздничные дни столики здѣсь берутся на расхватъ. На хорахъ играетъ большой струнный оркестръ. Въ этомъ громадномъ кафе-ресторанѣ можно увидѣть представителей всѣхъ слоевъ общества Софіи. Тутъ и дипломаты, и члены народнаго собранія, и офицеры, и чиновники, и лица свободныхъ профессій, и представители торговаго міра. Но вотъ кого здѣсь не видно, такъ это представительницъ полусвѣта. Да и вообще въ Софіи я не замѣчалъ кокотокъ среди гуляющей толпы и среди посѣтителей ресторановъ. Нравственность болгарской столицы стоитъ много выше нѣкоторыхъ крупныхъ «культурныхъ» центровъ Европы. Среди сидящей въ казино публики часто можно видѣть эксъ-министровъ, которыхъ здѣсь, кстати сказать, довольно много вслѣдствіе частыхъ смѣнъ кабинета.

Звуки музыки, звонъ посуды, бѣготня прислуживающихъ и нескончаемые разговоры о политикѣ, служащей здѣсь главной темой для бесѣды,—все это человѣка, непривычнаго къ подобной обстановкѣ, сначала ошеломляетъ, но потомъ мало-по-малу затягиваетъ въ общій водоворотъ.

За оживленной дружеской болтовней время пролетѣло незамѣтно. Приближался часъ отъѣзда. Мои друзья рѣшили меня провожать на вокзалъ, куда мы всѣ вмѣстѣ помчались на автомобилѣ.

Улицы Софіи ярко освѣщены электричествомъ. Изъ всѣхъ кафе несутся звуки музыки и пѣнія. Въ нѣкоторыхъ кафе столики стоятъ въ саду, а на открытыхъ эстрадахъ всевозможныя капеллы и труппы увеселяютъ публику, а также доставляютъ большое удовольствіе глазѣющимъ съ улицы даровымъ зрителямъ. Въ иныхъ дешевыхъ кафэ поварь на виду у всѣхъ жаритъ на сковородкахъ рыбу, мясо и еще что-то. Эти горячія блюда покупаютъ не только посѣтители

кафе, но и случайные прохожіе, привлекаемые щекочущимъ запахомъ жаренаго. У кинематографовъ цѣлыя толпы ждутъ очереди.

«Пріѣзжай къ намъ опять, да не на такое короткое время, а подольше», напутствовали меня братушки. «Мы всѣмъ нашимъ русскимъ друзьямъ рады и каждого встрѣтимъ, какъ своего. Передай всѣмъ нашъ пррвѣтъ!»

—Поблагодаривъ за радушный пріемъ, и распрощавшись со всѣми, я сѣлъ въ вагонъ.

Тронулся поѣздъ, и я долго смотрѣлъ на удалявшуюся Софію, искрящуюся милліонами огней. Скоро отъ Софіи остался лишь свѣтлый отблескъ на небѣ, но темная громада горы Витоша долго была видна.

Молодое славянское государство окрѣпло и развилось. Армія его сдѣлала поразительные успѣхи.

Теперь же, когда побѣдоносная болгарская армія на дѣлѣ показала на что она способна, я могу еще отъ себя доавить, что прежняя кипучая работа офицеровъ и нпжнихъ чиновъ, любовь и довѣріе общества къ арміи, патріотизмъ, сплоченность и подъемъ народнаго духа— вотъ что способствовало побѣдамъ болгаръ. И маленькая, но самобытная армія бьетъ полчища сильнѣйшаго врага, воспитаннаго на какой-то чуждой и непонятной ему теоріи военнаго дѣла.

П—бъ.

